

Воплощенный персонализм Альберта Соболева

Круглый стол «Персонализм — традиции и современность.
Памяти С. М. Половинкина и А. В. Соболева»

Рокитянский В. Р.,
группа по изучению и изданию наследия ММК,
gignomai@yandex.ru

Аннотация: Шестьдесят лет общения, временами ежедневного, задушевных бесед и яростных споров — это возможность попытаться написать о друге-философе в том жанре, который он сам предпочитал иным и блестяще реализовал: жанре, в котором портрет человека неотделим от характеристики философа, а точность мысли — от художественной выразительности.

Ключевые слова: персонализм, личность, философия, методология, поэзия, благородство, семья.

1. Персонализм — это философская позиция, для которой центральной категорией и высшей ценностью является личность. При всей типологической размытости этой характеристики, позволяющей отнести к персоналистам философов, во многих отношениях несхожих (ср., например, то, что пишет известный французский персоналист Ж. Лакруа: «Существует персоналистский идеализм (кантианство), персоналистский реализм (Лабертоньер), персоналистский экзистенциализм (Марсель, Бердяев), персоналистский индивидуализм (Ренувье), существуют коммунистические и анархистские персоналистические тенденции» [1, с. 170–172] (я бы к этому списку еще добавил православно-богословский персонализм В. Лосского, Х. Яннараса и митр. Иоанна Зизиуласса), в персонализме можно, очевидно, увидеть еще и значимую связь между философией и личностью философствующего. В таком повороте не понятие личности, не преимущественное к нему внимание, а неповторимый личностный рисунок — или интонация, или мелодия — оказывается отличительной чертой персоналистской мысли (ср. у Розанова о душе: «Но почему она не есть музыка?»).

2. Думаю, что мало у кого эта теснейшая связь — между мыслью и личностью — была столь отчетливо выражена, как у Альберта Васильевича Соболева. Она проявлялась во всем — в том, как он понимал сущность философии, в персоналистском понимании познания; в том, что привлекало его внимание в истории философии; наконец, в том, в какие формы облакалась его философская работа.

Остановлюсь на каждой из этих граней, опираясь не только на написанное С., но и, в большей даже мере, на сохраненное в памяти за шестьдесят лет дружбы...

3. «Философия — дело благородных», — любил он повторять, цитируя письмо Платона. Подлинное философствование сродни поэзии. Истина не открывается грубой, насильственной мысли; усмотреть ее можно только искоса, боковым зрением. Исследование, выпытывание — так действует наука, вооруженная своим «пыточным» инструментарием, методологией.

Крайнее неприятие, граничащее с ненавистью, вызывали у него притязания методологии на осмысление и обсуждение вопросов «высшего порядка», относящихся к духовной реальности. Говорю об этом, припоминая многолетние споры, в которых я отстаивал достоинство методологии Георгия Петровича Щедровицкого, а он проклинал

ее тем ожесточенней, что пытался вызволить друга из-под ее «сатанинского» влияния. В 1998 году мы оформили наш спор в виде «переписки из трех углов» (в третьем углу поместился приглашенный мною А. А. Пинский), С. наступал (ты мне дорог, но мысль твоя «вызывает у меня разлитие желчи»), а я оборонял то, чем не хотел поступиться.

В первом же из писем, делясь впечатлением от случившегося контакта с методологами (в ходе организованной О. И. Генисаретским в конце 1980-х «культурно-экологической акции» «Возрождение»), С. пишет: «Вспоминаю оскорбительное ничтожество (оскорбительное, ибо не природное, а культивируемое) методолога, руководившего на теплоходе собеседованием о "судьбах России" и расхитившего последние крохи ума и совести, которые еще можно было воспламенить в уникальных условиях курортного досуга. Речи должны быть **вдохновенны** — вот главное и единственное "методологическое" правило **общего дела**. И это правило следует затвердить как "Отче наш". <...> Разбирать (в кружках) различные способы мысли и действия можно только с одной целью — сделать их **духоприимными**, т. е. связанными с высшими целями **непосредственно** (здесь и теперь), а не через посредство миллиона шагов, уводящих в дурную бесконечность. Каждый из "шагов" должен быть в меру рационален, но и в меру метафоричен (символичен), сделан "просто так", "для души", быть танцевальным па, элементом культа. А щедровитянский культ раскрывал "глубины сатанины" (Ф. Голубинский), был направлен якобы на "нейтрализацию" мысли и действия, а по существу на расторжение их связи с национальными и религиозными святынями. Впечатление создавалось, что кастраты сошлись потолковать о любви» [2, с. 106].

«Можно, конечно, и Моцарта изучать методически. Например, с каким ускорением полетит он, будучи сброшенным с балкона, или как поведет себя его организм, зараженный СПИДом, или даже какую психологическую реакцию вызовет у него хамство на его счет. Только все это не имеет никакого отношения к тому, что мы именуем Моцартом. Изучать Моцарта можно только показывая пальцем на различные проявления его духа и сопровождая эти демонстрации междометиями. Все подлинное искусствоведение этим "методом" исчерпывается» [2, с. 108].

«Мать познает сына как единственного. Военком — методично, на базе широких обобщений. Но неужели материнский (или сыновний) "подход" узок и ограничен? Скорее он раскрывает новые горизонты, обеспечивает утонченность и гармоничность восприятия, и самое главное — "касание бытия". Говоря о русском "онтологизме", имеем в виду и это.

Увы, я могу только на разные лады повторять эту мысль. Сдвинуться с нее я не способен» [2, с. 111].

«Я уже имел удовольствие писать о том, что гегелевская идея "снятия" — это грандиозная туфта. Мы не можем "снять", воспроизвести в себе духовный мир Пушкина или Моцарта. Напротив, только "отпустив" их на свободу, мы имеем шанс на личную "встречу" с ними. Лишь в этом случае они могут стать как бы "внешними органами" нашего познания. Причем именно философского познания, т. е. познания в свете абсолютного. Абсолютное открывается не путем рефлексии и не путем обобщения, а... "как нам дается благодать"» [2, с. 116–117].

Не могу не сказать, что сейчас, по прошествии 25 лет, не согласен с этими обвинениями еще более, чем тогда. Но и — более, чем тогда, ценю догадки С. о тех возможностях мышления, которые в самом деле не схватываются «научной» философией и методологией, вижу, насколько необходима его позиция в общечеловеческом соразмышлении, и восхищаюсь доблестью, с которой он эту позицию отстаивал. Потому и обильно цитирую — люблюсь.

И принимаю как вызов и задание вот это: «Моя головная боль — как вынудить логику (и "методологию") признать "вкус" главной своей категорией. Логика, по моему

разумению, должна изучать реальное мышление (в высших его проявлениях) и стать одновременно поэтикой мышления» [2, с. 138].

4. Писал С. не много, публиковал еще меньше — в силу высочайшей к себе требовательности. Помню, в одном из разговоров сочувственно процитированные им слова Исаака Бабеля, который в ответ на вопрос, почему он не напишет роман, ответил: «Слов не наберу». И печальные признания последних лет жизни, когда, жалуясь на слабеющую память, говорил, что **вдохновенно** писать уже не может — это требует быстроты ассоциаций, «летучести» мысли...

О чем С. писал? Точнее, впрочем, будет спросить, о ком? Ключевым разделом единственной его монографии — сборника статей «О русской философии» [3] — можно, думаю, счесть «Философские портреты», «персоналистические» очерки о людях, в том числе малоизвестных, чья жизнь прошла в нешумном служении добру и истине, таких, как С. И. Огнева (урожд. Киреевская), личный секретарь о. Павла Флоренского. Впрочем, и в других разделах книги главное внимание С. — к людям. Так, естественным дополнением очерка о евразийстве — предмете, в котором С. был, видимо, крупнейшим экспертом, служат письма Н. С. Трубецкого П. Н. Савицкому, пронизанные разочарованием в этом изначально благородном, но политизирующемся и вырождающемся движении.

Еще один раздел книги посвящен русскому либерализму («за и против»). Но чтобы дать представление о позиции С., я процитирую не монографию, а другой источник.

Летом 1992 года мы с моим приятелем, эмигрировавшим в США, вознамерившись подслушать, куда «в минуты роковые» двинется Россия, взяли интервью у 25 разных людей — политиков, философов, писателей и др. Всех мы спрашивали об их отношении к тому, что происходит в стране, и куда веет дух времени. Составилась вышедшая в 1993-м книга, «Россия в поисках будущего». Поговорил для этой книги я и с С. Вот что тогда сказал мне С. о либерализме: «Он есть продукт только христианской культуры. Это продукт христианского понимания человека как бессмертной души и свободы, как проводника благодати и условия творчества. И вне христианизации нашего общества никакой либерализации не может быть. Без нее это — беспредел! Контроль, внутренний контроль, не полиция нравов, а религиозно-нравственный контроль общества над самим собой — только и может обеспечить возвращение либеральной атмосферы...» [4, с. 218].

5. Еще одна составляющая «персоналистического» творчества С. — авторство которой и в замысле, и в воплощении целиком ему принадлежит — это «философское москвоведение»: экскурсии и лекции со слайдами; их содержанием были иллюстрированные рассказы о домах и квартирах, где жили философы и люди искусства, и где (С. часто цитировал эти строки Г. Адамовича) «...брезжил над нами / Какой-то божественный свет, / Какое-то легкое пламя, / Которому имени нет».

Ну и, конечно же, проходившая в конце 1980-х в Библиотеке иностранной литературы выставка «Семейный альбом», составленная С. из семейных фотографий культурных родов России — дворянских (Трубецкие и Шереметьевы), купеческого (Абрикосовы) и священнического (Мечевы). Сквозной нитью, объединявшей эти фотографии и тщательно подобранные подписи-цитаты к ним, была мысль о том, что высшая культура, высшая духовность выращиваются в семьях, где трудом поколений создается «тяга», влекущая души вверх... Поддерживали эту тягу в основном матери.

6. И завершить мне хочется несколькими словами о «тяге» в семье самого С. Детство его было очень нелегким — репрессированный, вернувшийся слепым отец, тяжелая болезнь, на несколько лет приковавшая к постели самого С. В больнице он учился и много-много думал. Но была еще «мамочка» (С. иначе не называл ее), у которой он, по его словам, получил самые ценные уроки. «Как-то мамочка слышала, как я грубо посмеялся над не слишком умным товарищем. Она, ни слова не сказав, ушла в свою

комнату. А когда я вошел к ней, она плакала. И это я запомнил на всю жизнь», — это рассказал мне С. незадолго до смерти.

Литература

1. Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. — М., 2004.
2. Переписка из трех углов. [А. В. Соболев, В. Р. Рокитянский, А. А. Пинский] // История философии. № 2. 1998. С. 100–140.
3. Соболев А. В. О русской философии. — СПб., 2008.
4. Соболев А. В. Россия спасется только как великая Россия // Агафонов В., Рокитянский В. Россия в поисках будущего. [Сб. интервью]. — М., 1993. — С. 210–221.

Reference

1. Lacroix, Jean. Selected works. Personalism. Moscow, 2004. (In Russian)
2. Correspondence from three corners: Sobolev, Rokityansky, Pinsky. History of philosophy, #2, 1998. pp. 100-140.
3. Sobolev Albert, On Russian philosophy. St.Petersburg, 2008.
4. Sobolev Albert, Russia will be saved only as a great Russia. In: Russia in search of the Future. Ed. by Agafonov V., Rokityansky V., Moscow, 1993. pp. 210-221.

The Incarnate Personalism of Albert Sobolev

Rokityansky V. R.,

A research group for publishing Moscow Methodological Circle heritage,
gignomai@yandex.ru

Abstract: Sixty years of communication, sometimes daily, of intimate conversations and furious disputes provide an opportunity to write about a friend-philosopher in the genre which he did prefer to other ones and realized brilliantly, in the genre wherein man's portrait is inseparable from characteristics of the philosopher and preciseness of thought from artistic expressiveness.

Keywords: personalism, personality. philosophy, methodology/poetry, nobleness, family.